

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2022), 127–141
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2022), 127–141
©Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-2-76-127–141

ЖЕЛАЕМОЕ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ: МАКЕДОНСКАЯ АРМИЯ И ПОЛКОВОДЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА ФИЛИППА II В КОРПУСЕ РЕЧЕЙ ДЕМОСФЕНА

А.А. Клейменов

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия

E-mail: alek-klejmenov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7123-0378

Аннотация. В статье рассматривается образ македонской военной системы времен Филиппа II, созданный в речах Демосфена. Выявлено, что афинский оратор изображал наемников важной частью македонской армии, подчеркивал разницу в интересах царя и основной массы воинов, констатировал отсутствие практики использования гоплитов. Вполне обоснованно отмечалась постоянная готовность македонского войска к ведению боевых действий, активное применение легковооруженной пехоты и кавалерии, развитое осадное дело. Основными чертами Филиппа как военно-политического деятеля Демосфен называет коварство, целеустремленность и самоотверженность, сообщает о положительных последствиях наличия в руках монарха всех рычагов управления армией и государством. Так формировалась картина, в которой сочетались откровенные домыслы и реальные факты, в значительной степени искаженные из-за стремления Демосфена выставить Филиппа опасным, но при этом уязвимым противником. Афинский политик не учитывал ключевых последствий создания в Македонии профессионального войска, изображал вооруженные силы Филиппа как типичное для греческих полисов гражданское ополчение, не заинтересованное в частом проведении военных кампаний, а самого царя – изолированным от общества и окруженным наемниками тираном. Демосфен игнорировал наличие в македонском войске фаланги, чтобы представить его менее опасным в полевых сражениях. Успехи Филиппа оратор объяснял пассивностью и разобщенностью афинского гражданского коллектива, а также деятельностью предателей, что было призвано не только склонить афинян к решительным действиям, но и настроить общественное мнение против политических оппонентов Демосфена. Помимо того, оратор использовал в своих интересах характерные для греческого общественного сознания идеалистические представления о войне-агоне, в соответствии с которыми единственным достойным способом ведения боевых действий считалось открытое сражение гоплитских фаланг. Это позволяло охарактеризовать победы Филиппа как нечестные и сформировать у афинян убежденность в возможности разгрома македонян в войне, проходящей по традиционным для Греции

Данные об авторе: Александр Анатольевич Клейменов – доктор исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и археологии ТГПУ им. Л.Н. Толстого.

принципам. Негативным последствием формирования данного конструкта стала опасная недооценка реальных военных возможностей Филиппа.

Ключевые слова: Демосфен, Филипп II, Македония, Афины, военное дело, наемники, гопплиты.

«Историю пишут победители» – один из наиболее популярных афоризмов, связанных с нашими представлениями о прошлом. Это крылатое выражение, рожденное французской историографией в 1840-е гг. при осмыслении Великой Французской революции¹, сейчас используется с самыми разными целями. К нему прибегают, когда необходимо объяснить причины одностороннего освещения событий в источниках, пренебрежительно отмести аргументы проигравшей стороны, продемонстрировать глубинное недоверие к исторической науке, обусловленное столь же глубинным непониманием специфики ее методологии. Впрочем, как и многие другие хлесткие фразы, данное изречение весьма далеко от реальности, особенно когда дело касается нередких для древности и средневековья военных конфликтов, в которых общества, обладавшие развитой письменной традицией, уступали менее продвинувшимся в этом отношении противникам. С историей, написанной побежденными, мы имеем дело и при обращении к военной деятельности Филиппа II. Эта история известна в основном по источникам, созданным представителями мира греческих полисов. Особое место в этом нарративе занимает корпус речей Демосфена, относящийся к немногочисленной группе хронологически синхронных текстов, которые могут быть использованы для выявления особенностей македонского военного дела той эпохи.

1. ОБЩИЙ ХАРАКТЕР СООБЩЕНИЙ ДЕМОСФЕНА О МАКЕДОНСКОЙ ВОЕННОЙ СИСТЕМЕ

Демосфен, являвшийся одним из наиболее последовательных противников усиливавшейся македонской монархии, останавливался на полководческой деятельности Филиппа неоднократно. Подобные свидетельства могут быть сгруппированы в несколько информационных блоков. Один из них связан с собственно вооруженными силами Македонии, которым оратор дает весьма противоречивую характеристику. Наиболее ранние сведения подобного рода встречаются в первой и второй речах олинфского цикла, произнесенных в 349–348 гг. до н.э. и призванных побудить афинян оказать помощь Олинфу в войне с Македонией, для чего в том числе транслировались выводы о военной слабости Филиппа². В первой из указанных речей автор преимущественно ограничивается упоминанием усиления еще недавно незначительной Македонии, указанием на ненадежность фессалийских и варварских союзников Филиппа, подчеркиванием его зависимости от приходивших из Фессалии средств, необходимых для оплаты услуг наемников (Dem. I. 9. 12; 22; 23). Во «Второй Олинфской речи» Демосфен описывает особенности

¹ Подробнее об этом см. Душенко 2018, 232–233.

² Об этом см. Sealey 1993, 138–139; Worthington 2012, 132–134.

имевшихся в распоряжении Филиппа вооруженных сил гораздо пространнее³. Отмечается шаткое положение македонского царя, интересы которого противостоят чаяниям подданных, уставших от военных походов, терпящих муки из-за невозможности заниматься земледелием, торговлей и личными делами (Dem. II. 14–16). Автор указывает, что наемники и «пешие друзья» (πεζῆταιροι) Филиппа считаются достойными удивления и закаленными в военных делах, но наиболее выдающихся из них завистливый царь изгоняет, оставаясь в окружении набираемых отовсюду грабителей, льстецов и бесстыдников (II. 17–19). Схожий тезис приводится и в «Ответе на письмо Филиппа», являющимся подлинным документом, созданным в период кампании македонского царя против Перинфа и Византия 340 г. до н.э.⁴ Здесь Демосфен сообщает, что служившие македонскому царю начальники наемников, наряду с гетайрами (ἑταίρους), заработали славу мужеством, но боятся нрава монарха и подвергаются унижениям, вызванным ревностью к их успехам (Dem. XI. 10–12). Упоминание в цитируемых фрагментах наемников не ситуативно и является проявлением характерной для творчества Демосфена тенденции: говоря о составе войска Филиппа, афинянин редко затрагивает собственно македонские подразделения, но регулярно указывает на «солдат удачи». Речи Демосфена содержат целый комплекс сообщений об использовании македонским монархом наемников для вмешательства во внутренние дела греческих полисов (Dem. VI. 15; VIII. hypoth. 2; IX. 16. 33; 58; XIX. 87; 295) и для обеспечения контроля над подвластными землями (Dem. IX. 32; XIX. 81; 204). Не обошлось без упоминания этого компонента армии Филиппа и в единственном сравнительно пространном описании македонской методики ведения военных действий.

Данный очерк содержится в «Третьей речи против Филиппа», датированной весной 341 г. до н.э. и относящейся к периоду возрастания напряженности из-за македонской экспансии во Фракию и вмешательства Филиппа в конфликт Кардии и афинских колонистов⁵. То, что именно здесь нашлось место анализу македонской военной практики закономерно: созданная в преддверии нового полномасштабного конфликта, «Третья речь против Филиппа» отличается от предшествующих большим акцентом на внешнюю опасность в ущерб традиционному для оратора бичеванию внутриафинских проблем, а также изображением Филиппа как угрозы не только для Афин, но и для всей Греции⁶. В начале описания македонских способов ведения войны Демосфен указывает на большие изменения в военном деле и отсылает аудиторию к конфликтам прошлого, в которых лакедемоняне, как и остальные, в течение четырех или пяти месяцев вторгались, опустошали неприятельские земли гоплитами, а затем уходили обратно. Оратор называет это старинными и правомерными действиями, честной и открытой войной. Переходя к методам Филиппа, политик замечает, что теперь большинство дел погубили предатели и ничего не решается выступлениями на поле битвы или правильными сражениями (οὐδὲν δ' ἐκ παρτάξεως οὐδὲ μάχης γιγνόμενον). Филипп воюет

³ Это обстоятельство соответствует общему характеру речи, которая, в отличие от «Первой Олинфской», не транслирует нового политического призыва, а на более глубоком уровне раскрывает аргументы в пользу ранее озвученной оратором позиции (Usher 1999, 222).

⁴ Борухович 1999, 10; Macdowell 2009, 363–366.

⁵ См. Ryder 2000, 76; Уоррингтон 2014, 178.

⁶ Wooten 2008, 137–138.

не с помощью фаланги гоплитов (τῷ φάλαγγα ὀπλιτῶν), а использует легковооруженных, кавалерию, лучников и наемников, не обращая внимания на время года. Здесь же подчеркивается готовность македонского царя объявиться у охваченных внутренними распрями городов, установить машины и начать осаду (μηχανήματ' ἐπιστήσας πόλιорκεῖ) (Dem. IX. 47–50). Этот фрагмент отчасти развивает мысли, содержащиеся в обнародованной ранее речи «О делах в Херсонесе»⁷, где отмечалось, что превосходство македонянина основывается на способности первым поспевать к месту действия, всегда имея готовое войско и четкий план, в отличие от афинян, запаздывающих при осуществлении ответных мер (Dem. VIII. 11).

Неоднозначные оценки содержит и присутствующий в ораторском наследии Демосфена информационный блок, посвященный качествам Филиппа как политика и полководца. Большую его часть составляют различного рода замечания о коварстве и вероломстве Филиппа, подкрепляемые не только описанием конкретных поступков, но и регулярными напоминаниями о «варварском» происхождении македонского царя⁸. Оценки, лежащие вне пространства явно отрицательных коннотаций, в речах Демосфена встречаются реже и, как правило, помещены в контекст сравнения македонских и афинских реалий. Так, в «Первой Олинфской речи», выделяя факторы, предопределившие превосходство Филиппа над Афинами, оратор уподобляет македонского монарха тиранам, указывая, что он единолично возглавляет явные и тайные дела государства, являясь одновременно вождем, хозяином и казначеем (Dem. I. 4–5). В «Ответе на письмо Филиппа» в качестве предпосылки военных успехов македонянина Демосфен выделяет активность самого Филиппа, лично отправлявшегося в походы, терпевшего лишения и подвергавшегося опасности, не упуская ни удобного случая, ни благоприятной поры года, в то время как афинские граждане, по мнению оратора, ведут себя пассивно (Dem. XI. 17). Самоотверженность Филиппа является тем его положительным качеством, которое Демосфен ставил в пример согражданам регулярно. К данному вопросу оратор обращался в том же «Ответе на письмо Филиппа» еще раз, заметив, что Филипп, «хоть и является уроженцем Македонии», но делает все для расширения державы, получив при этом раны по всему телу (Dem. XI. 22). Позже, в речи «За Ктесифона о венке», произнесенной в 330 г. до н.э. и наполненной оценками событий, имевших место в рамках македоно-афинского противостояния 340-х гг. до н.э.⁹, эти тезисы получили развитие: Демосфен подробно перечислил многочисленные ранения Филиппа, назвав их жертвами на пути к славе и почету, констатировал наличие у уроженца некогда «безвестной и мало-значительной» Пеллы большого величия духа (Dem. XVII. 67–68).

2. ПРОБЛЕМА ИСКАЖЕНИЯ МАКЕДОНСКИХ ВОЕННЫХ РЕАЛИЙ В КОРПУСЕ РЕЧЕЙ ДЕМОСФЕНА

Переходя к анализу оценок македонской армии и полководческих качеств Филиппа, содержащихся в речах Демосфена, прежде всего, необходимо учесть объ-

⁷ О преемственности между речами: Usher 1999, 239; Wooten 2008, 138.

⁸ Об этом: Pickard-Cambridge 1914, 233; Briant 2002, 787–788; Westwood 2020, 151–152; Маринович 2006, 24.

⁹ См. Sawkwell 1969, 180; Yunis 2001, 10–11.

ективные особенности нарратива, созданного не для освещения событий, а для склонения мнений афинский граждан в нужную сторону. Нельзя не согласиться с метким замечанием Ю.Н. Борзы о том, что речи Демосфена не правдивей публичных заявлений политиков в любую другую эпоху¹⁰, однако для выявления сути имеющихся искажений подобного заявления мало. В соответствии с указаниями М. Блока, при работе с заведомо недостоверным источником «недостаточно констатировать обман, надо еще раскрыть его мотивы»¹¹. Как справедливо констатируется в историографии, Демосфен использовал свой риторический инструментарий для решения важных, но плохо гармонирующих друг с другом задач, стремясь, с одной стороны, показать, что усилившаяся Македония представляет собой серьезную угрозу для Афин, с другой стороны, убедить сограждан в возможности победы над Филиппом¹². Сравнение сообщений Демосфена с другими имеющимися данными о македонском военном деле времен Филиппа и выявленными тенденциями в развитии военной отрасли той эпохи позволяет определить присутствующие в речах оратора искажения и их связь с желанным для Демосфена политическим результатом.

Так, рассматривая характеристику, данную Демосфеном македонским вооруженным силам во «Второй Олинфской речи», нельзя не отметить, что ее базой является указание на различные интересы Филиппа и основной массы его воинов, якобы уставших от войн и желающих вернуться к своим хозяйственным заботам. Это замечание плохо соответствует современным представлениям о характере македонской армии, согласно которым ядром вооруженных сил Македонии при Филиппе стал быстро увеличивавшийся профессиональный воинский контингент, чьи представители, как кавалеристы-ἑταῖροι, так и пехотинцы-πεζέταιροι, были заинтересованы в службе благодаря получению материального вознаграждения в виде земельных наделов и жалования, а также повышению социального статуса¹³. Оратор, в свою очередь, изображает πεζέταιροι как группу воинов, обладавших высокой репутацией, но малозначимых в контексте расстановки сил. Мнение, согласно которому «Вторая Олинфская речь» верно отражает ситуацию в Македонии, где большая часть пехоты вплоть до конца правления Филиппа сохраняла характер ополчения¹⁴, представляется явно ошибочным. Разбирая суть замечаний Демосфена, Дж. Эллис справедливо отметил, что Филипп только один раз за полководческую карьеру столкнулся со значительными волнениями в своей армии, имевшими место после крайне неудачного сражения с Ономархом и вызванными большими потерями. Отсутствие других подобных эпизодов само по себе свидетельствует о большой заинтересованности воинов Филиппа в службе¹⁵. Кроме того, Демосфен, не в полной мере ориентированный в македонских реалиях, мог ошибочно вложить в понятие πεζέταιροι иное значение, перепутав

¹⁰ Борза 2013, 27.

¹¹ Блок 1973, 53.

¹² Connor 1966, 75; Hunt 2010, 65.

¹³ Billows 1995, 18–20; Anson 2008, 17–20; Gabriel 2010, 71–83; Уоррингтон 2014, 55–56.

¹⁴ См. Руденко 2008, 16.

¹⁵ Ellis 1976, 55.

основную часть пехоты и немногочисленный корпус отборной царской гвардии, в более поздних источниках обозначаемый как «щитоносцы» (ὑπασπιστάι)¹⁶.

Понять приведенное во «Второй Олинфской речи» описание состояния вооруженных сил царства Аргеадов нельзя без учета главного контекста этого памятника ораторского искусства, призванного убедить афинскую аудиторию в том, что македонское общество явно нестабильно, а Филиппа выставить типичным изолированным от соотечественников тираном, чей режим рухнет при не самом сильном ударе извне¹⁷. В угоду этому тезису оратор исказил характер взаимоотношений македонского царя и его профессионального войска, изображенного как типичное для греческих полисов и хорошо знакомое гражданам Афин ополчение, не заинтересованное в частом проведении военных кампаний. Делал это Демосфен вполне сознательно, так как в своих речах, обнародованных в конце все того же десятилетия, он, преследуя уже иные цели, подчеркнул положительные стороны македонской армии профессионального типа, всегда готовой к боевым действиям (Dem. VIII. 11; IX. 49). Обращение внимания слушателей на большую роль наемников в кампаниях Филиппа также можно считать проявлением той же генеральной линии. С одной стороны, Демосфен не сильно грешил против истины, так как наемные подразделения действительно были весомой составной частью армии Филиппа на всем протяжении его полководческой деятельности¹⁸. С другой стороны, подобным образом оратор подчеркивал уязвимость македонского войска: наемники обычно характеризовались Демосфеном как сила, уступавшая представителям гражданского ополчения из-за явного морального превосходства последних¹⁹. Кроме того, педалирование темы наемничества было еще одним способом отметить схожесть македонского царя и греческих тиранов, которые опирались именно на наемников и в эллинском общественном сознании классического времени с ними устойчиво ассоциировались²⁰. Стремление оратора изобразить Филиппа опасным, но при этом уязвимым тираном прослеживается и в характеристике полководческих качеств монарха. В рамках этой концепции афинский политик подробно описывает плюсы наличия в руках Филиппа военных, политических и экономических полномочий, но упоминает его самодурство, проявляющееся в стремлении изгнать достойных соратников и окружить себя набранными отовсюду прихлебателями, в итоге явно искажая общую направленность кадровой политики македонского царя²¹. Данный подход позволял Демосфену связывать успехи

¹⁶ Milns 1967, 511–512. Иное мнение озвучил Э.М. Энсон, предположивший, что используемое Демосфеном понятие отражает особенности македонской терминологии на момент произнесения речи, когда наименование πεζέταιροι еще не было перенесено с элитного соединения на основную массу фалангитов (Anson 2020, 89).

¹⁷ Usher 1999, 223–224.

¹⁸ Клейменов 2020, 185–204.

¹⁹ Roisman 2005, 109.

²⁰ См. Trundle 2004, 28–29; English 2012, 68–76.

²¹ О тенденциозности подобных оценок красноречиво свидетельствует сравнение сообщений греческих авторов: если Феопомп давал аналогичную негативную оценку окружения Филиппа (FGH 320. F224j = Athen. IV. 167b; Polyb. VIII. 11. 6), то Исократ описывал соратников македонского царя как наиболее способных македонян и эллинов, своими делами и советами увеличивавших славу царства (V. 19). Примечательно, что сбор полезных людей вне зависимости от их происхождения присутствует среди рекомендаций, данных Ксенофонтом в «Киропедии» (II. 2. 26–27). Это, в свою очередь, послужило основанием для предположений о знакомстве Филиппа с содержанием указан-

Филиппа не столько с особенностями созданной им военной системы, сколько с его личными качествами. Из них определяющими стали коварство и вероломство, регулярное упоминание которых было способом принизить дипломатические и военные способности македонского царя²².

Отдельного внимания заслуживает характеристика македонских методов ведения войны, присутствующая в «Третьей речи против Филиппа». Некоторые из озвученных в ней тезисов хорошо соответствуют современным представлениям о македонской «военной машине» того времени, сформированным на базе всего комплекса источников. К подобным замечаниям относится, помимо типичного для Демосфена указания на наемников Филиппа, упоминание активного использования конницы и легковооруженной пехоты, которые действительно играли важную роль в македонской тактике, подразумевавшей плотное взаимодействие различных родов войск²³. Не вызывает сомнений и оправданность указания на активное использование Филиппом осадной техники. Античная письменная традиция содержит немало упоминаний применения войском Филиппа осадных машин (см. Diod. XVI. 8. 2; 74. 3–4; Athen. X. 421c; Polyae. IV. 2. 20), а сравнение интенсивности использования сложных орудий позволяет полагать, что к концу правления этого монарха Македония по уровню развития полиоркеттики значительно превосходила остальные государства Балканского полуострова²⁴. Иное впечатление оставляет заявление Демосфена о том, что Филипп не решает исход кампаний в «правильных» полевых сражениях и не использует в боевых действиях фалангу гоплитов. В частности, оно противоречит имеющимся в нашем распоряжении данным источников и о военных преобразованиях Филиппа, нацеленных на создание фаланги (Diod. XVI. 3. 1–3; Polyae. IV. 2. 10), и о важнейших сражениях его армии, где неизменно участвовали построенные в плотные боевые порядки македонские пехотинцы (см. Diod. XVI. 4. 3–7; 86. 1–5; Front. Strat. II. 3. 2; Polyae. II. 38. 2; IV. 2. 2). Столь же далеки от указаний Демосфена и оценки современных исследователей, считающих созданную Филиппом фалангу пехотинцев-сариссофоров важным компонентом войска, во многом предопределившим тактическое превосходство македонян над греческими оппонентами²⁵. Почему Демосфен игнорирует эту часть вооруженных сил Филиппа? Согласно вполне оправданному предположению Й. Уортингтона, характеристика македонских методов ведения войны, приведенная афинским оратором в 341 г. до н.э., могла относиться непосредственно к событиям на фракийском театре военных действий 342–341 гг. до н.э., где ведущую роль должны были играть легковооруженная пехота и кавалерия²⁶. С другой стороны, нельзя исключать и возможность специального замалчивания Демосфеном факта участия фаланги в прово-

ного произведения (Kienast 1973, 259; Ellis 1981, 40–42). Сообщениям Демосфена о стремлении Филиппа избавиться от наиболее достойных соратников могут быть противопоставлены известные благодаря Полиэну (IV. 2. 1; 3) случаи изгнания из македонского войска и государства лиц, замеченных в нарушении воинской дисциплины.

²² Worthington 2012, 137.

²³ Наиболее полное на настоящий момент исследование данного вопроса: Wrightson 2019, 181–198.

²⁴ Tarn 1930, 107; Marsden 1969, 58–60; Karunanithy 2013, 406; Кэмпбелл 2008, 59–62.

²⁵ К примеру: Garlan 1972, 96–98; Lendon 2005, 121–124; Mattew 2015, 29–42; Anson 2020, 48–51.

²⁶ Уортингтон 2014, 174. Близкое мнение см. Нефёдкин 2019, 67.

димых Филиппом кампаниях²⁷. Впрочем, даже при принятии первого варианта трактовки, считать оценку афинского оратора точной нельзя, так как в своей речи он экстраполирует особенности действий Филиппа во Фракии на всю македонскую военную практику. Подобным образом Демосфен, видимо, сознательно приписывал опасность, исходившую от македонской армии, формируя представление о том, что она не сможет противостоять греческой тяжеловооруженной пехоте в открытом полевым сражении²⁸.

3. ВЗГЛЯДЫ ДЕМОСФЕНА НА ПРИЧИНЫ МАКЕДОНСКИХ ВОЕННЫХ ПОБЕД

Таким образом, в корпусе речей Демосфена явно прослеживается сокрытие реального потенциала македонской армии, обусловленное стремлением выдать желаемое за действительное и подчеркнуть возможность афинской победы над Филиппом. Эта же генеральная линия неизбежно ставила оратора перед необходимостью объяснять победы противника, по его концепции вполне одолимого, но, как показывала фактическая сторона событий, весьма преуспевающего. Некоторые из использовавшихся для решения данной дилеммы тезисов озвучивались Демосфеном значительно чаще других и имели не военную, а сугубо политическую основу. Подобным свойством обладает уже приводившийся вывод из «Третьей речи против Филиппа», где упоминаются пагубные последствия деятельности изменников. Это замечание является проявлением отмечаемой в историографии склонности Демосфена связывать успехи Филиппа с пассивностью афинского гражданского коллектива, его разобщенностью, а также с деятельностью промакедонских политиков и осведомителей, что позволяло знаменитому оратору выставлять в плохом свете своих внутриафинских оппонентов²⁹.

Приступая к выявлению других путей преодоления указанного противоречия, следует заметить, что Демосфен не был единственным современником Филиппа, пытавшимся объяснить его успехи в войнах с доблестными и, казалось бы, более достойными побед эллинами. Эту же задачу решал и отрицательно относившийся к македонскому монарху историк Феопомп, связывавший победы Филиппа с упадком Греции, беспринципностью македонянина и его неизменным везением³⁰. Примечательно, но к последнему, до гениальности простому объяснению Демосфен практически не прибегал. Исключением является лишь раскрываемая в речи «За Ктесифона о венке» связь греческого поражения при Херонее и судьбы, которую Демосфен, в отличие от Эсхина, считал не результатом реакции божества на поступки людей, а независимым от человека жребием³¹. Этот посыл следует считать ничем иным как сугубо ситуативным риторическим приемом. Афинский оратор не только практически не использовал идею удачи для объяснения македонских побед в других речах, но и был сознательным противником подобных

²⁷ Le Bohec-Bouhet 1999, 85.

²⁸ Иной вывод сделал Дж. Ройсман, предполагающий, что Демосфен своим сообщением об изменении в военном деле пытался показать согражданам необходимость перехода к новой стратегии ведения войны (Roisman 2005, 108–109).

²⁹ См. Yunis 1996, 257–268; Milns 2000, 215–217; Hunt 2010, 67–68; Суриков 2015, 290–291.

³⁰ Подробнее об этом: Connor 1967, 133–154; Pownall 2004, 143–175; Scanlon 2015, 181–185.

³¹ Martin 2009, 94–95.

объяснений. Об этом напрямую свидетельствует материал его письма, написанного уже после смерти Александра. В нем Демосфен указывает на наличие тенденции приписывать победы завоевателя его «удачливости» (εὐτυχῆ) и призывает обратить внимание на то, что Александр добивался удачи, так как действовал, переносил труды и проявлял отвагу (Epist. I. 13). В некоторой степени данное рассуждение может быть сопоставлено с присутствующими в философской системе платонизма положениями, раскрывающими возможность с помощью τέχνη (мастерства, искусства, науки) взять под контроль τύχη (удачу, случайность)³². Тем не менее ключевую роль должны были сыграть соображения иного рода: афинский оратор не мог игнорировать то, что в массовом сознании его современников τύχη воспринималась как проявление божественного вмешательства, при этом именно в Афинах в IV в. до н.э. распространилось почитание богини Τύχε, в чьем образе персонифицировались удача и случайность³³. В отличие от Феопомпа, пытавшегося задним числом объяснить победы Филиппа и сохранить за эллинами репутацию непревзойденных воинов, Демосфен был политиком, стремившимся обратить внимание сограждан на усиление Македонии и побудить их на борьбу с данным противником. Для достижения этой цели оратор сам активно использовал образ Τύχε, пытаясь убедить колеблющуюся часть гражданского коллектива в том, что во время войны богиня удачи будет на стороне Афин и их союзников³⁴. Мало того, надпись, призывающая «добрую удачу» (ἀγαθὴν τύχην), согласно Плутарху (Dem. 20), была помещена на щите, с которым Демосфен сражался при Херонее. Соответственно, тезис о том, что македонянам покровительствует дарующее успех божество, не только не соответствовал используемым Демосфеном идеологическим конструктам, но и явно им противоречил.

Более соответствовавшие целям Демосфена аргументы были им сформулированы благодаря использованию характерных для греческой военной культуры идеологических установок, позволявших в равной степени и объяснить причины македонских побед, и изобразить противника уязвимым. Наиболее отчетливо это проявляется во включенной в корпус речей Демосфена эпитафии, посвященной павшим в сражении при Херонее 338 г. до н.э. и, видимо, все же созданной знаменитым оратором³⁵. Главным посылом данного выступления является констатация наличия у граждан демократического государства особой доблести (греч.), недоступной тем, кто живет при олигархических или монархических режимах, а также делающей афинян непобедимыми, несмотря на исход конкретной схватки³⁶. Говоря о причинах понесенного поражения, Демосфен отмечает, что македоняне взяли верх не благодаря своей доблести, навыкам или смелости командующего (Dem. LX. 21). Здесь необходимо обратить внимание на свойственное для греческого общественного сознания восприятие открытого столкновения го-литских фаланг как наиболее «правильной» формы войны, являющейся своеобразным агонем, в котором побеждали наиболее доблестные³⁷. Эта установка,

³² О данном аспекте философии Платона, к примеру, см. Nussbaum 2001, 89–121.

³³ Matheson 1994, 19–22; Stafford 2007, 82–83.

³⁴ Jaeger 1963, 180–181; Martin 2009, 87–88, 231.

³⁵ По этому вопросу: Sykutris 1928, 241–258; Usher 1999, 351; Worthington 2003, 152–157.

³⁶ Roisman 2007, 397; Goldman 2018, 139–141.

³⁷ Об этом аспекте: Detienne 1968, 163–164; Gröschel 1989, 20–24; Ober 1996, 53–71.

подразумевавшая идеализированный взгляд на войну и критическое отношение ко всем формам ведения боевых действий кроме «гоплитских», сохранилась и даже получила вторую жизнь в позднеклассическую эпоху, когда реальная военная практика уже плохо вписывалась в эти узкие рамки³⁸. Совершенная Демосфеном отсылка к данному аспекту греческой военной культуры и трансляция мысли об отсутствии настоящего превосходства победителей над побежденными позволяла оратору оправдать херонейскую катастрофу указанием на якобы «нечестную» победу врага³⁹. Обращался к этой концепции знаменитый афинянин и ранее. Ее явные следы прослеживаются во «Второй речи против Филиппа», где Демосфен прямо называет прежние войны более честными, а также сообщает, что македонский царь не решает свои задачи в «правильных» сражениях и в войсках не имеет гоплитов. По сути, оратор обвиняет Филиппа в несоблюдении греческих военных обычаев и «нечестных» победах⁴⁰. Очевидно, подтверждался этот тезис и сообщением о склонности Филиппа к проведению осад, которые также не вписывались в гоплитский «канон» и считались недостойным методом ведения войны⁴¹. Также данный посыл хорошо коррелирует с регулярными упоминаниями коварства и подлости Филиппа, а также с указаниями на его «варварское», то есть македонское происхождение – как известно, для царства Аргеадов, в отличие от ведущих полисов Греции, институт гоплитии и связанные с ним методы ведения войны традиционно не были характерны⁴². Благодаря опоре на давно сформировавшуюся, но еще актуальную для общественного сознания идеологию войны-агона, Демосфен мог одновременно объяснить успехи македонского царя и указать на возможность одолеть этого врага в случае, если война пройдет по эллинским принципам. Вероятно, при использовании данной схемы Демосфен следовал не только прагматическим соображениям: как отмечает Дж. Ройсман, вряд ли оратор как грек и представитель афинской гоплитии мог считать победы Филиппа достойными, тем более признавать возможное превосходство македонян в гоплитском агоне⁴³. Нельзя не отметить, что именно эта подпитываемая Демосфеном убежденность граждан Афин в неспособности македонян противостоять им в агональном столкновении фаланг сыграла с ними злую шутку в битве при Херонее 338 г. до н.э., где афиняне, как известно, приняли за признаки полного разгрома обманное отступление македонской пехоты, и, увлекшись преследованием, были разгромлены в результате контратаки⁴⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Образ македонской армии и ее предводителя, создававшийся Демосфеном с помощью его высочайшего ораторского мастерства, являлся конструктом, появившимся благодаря манипулированию реальными фактами и характерными для гре-

³⁸ См. Runciman 1998, 741–742; Krentz 2002, 25; Wheeler 2007, 189.

³⁹ Lendon 2005, 88.

⁴⁰ Ferrill 1997, 186; Millett 2013, 47.

⁴¹ Melville, Melville 2008, 155–156.

⁴² См. Griffith 1979, 423–424; Billows 1995, 12; Greenwalt 2014, 42; Molina Marín 2015, 23.

⁴³ Roisman 2005, 109.

⁴⁴ Об этом, к примеру: Hammond 1980, 60–62; Gabriel 2010, 219–220; Anson 2020, 70–71; Новосильнов, Сивкина 2019, 52–56.

ческого общественного сознания установками. Его появление было обусловлено стремлением убедить представителей афинского гражданского коллектива в том, что Филипп является противником, опасным в силу своего «варварского» коварства, преимуществ, даваемых тираническим характером власти, и способности использовать в своих интересах внутренние раздоры в греческих государствах. Оратор не доносит до аудитории важные сведения о ключевых чертах новой профессиональной македонской армии, изображает имевшиеся в распоряжении Филиппа вооруженные силы как сочетание слабо мотивированного ополчения и наемников. Транслировалась установка на возможность ликвидировать эту угрозу, для чего требовалось усилить бдительность, прекратить внутренние раздоры и навязать Филиппу войну по традиционным для Греции принципам войны-агона, в которой македоняне неизбежно должны были уступить эллинским гоплитам. Остается лишь принять вывод И.Е. Сурикова, заметившего, что противоречивая фигура Демосфена может быть воспринята как символ всей столь же наполненной противоречиями эпохи кризиса классического полиса и нарастающих тенденций нового мира⁴⁵. Демосфен, безусловно, стремился обеспечить соблюдение внешнеполитических интересов Афин, побудить сограждан к выступлению против возникшей на севере угрозы, но в итоге отчасти намеренно, отчасти невольно вводил афинян в заблуждение, так как их противником стал не типичный для греческого мира опирающийся на наемников тиран, не варварский династ, чье войско не могло противостоять греческой фаланге, а создатель профессиональной армии нового типа, способной эффективно решать боевые задачи самого разного рода: от взятия хорошо укрепленных городов до разгрома противника в открытом полевым сражении. Время показало, что именно за этой силой, победившей объединенное войско антимакедонской коалиции при Херонее, а затем покорившей широкие пространства на востоке и превратившей их в мир эллинистических государств, было будущее.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Anson, E.M. 2008: Philip II and the Transformation of Macedonia: A Reappraisal. In: T. Howe, J. Reames (eds.), *Macedonian Legacies: Studies in Ancient Macedonian History and Culture in Honor of Eugene N. Borza*. Claremont. 17–30.
- Anson, E.M. 2020: *Philip II, the Father of Alexander the Great: Themes and Issues*. London–New York.
- Billows, R.A. 1995: *Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism*. Leiden–New York.
- Blokh, M. 1973: *Apologiya istorii, ili Remeslo istorika [The apology of history, or the Historian's Craft]*. Moscow.
- Блок, М. 1973: *Апология истории, или Ремесло историка*. М.
- Vorukhovich, V.G. 1999: Afiny i Makedoniya Filippa II: ot Filokratova mira do KHero-nejskogo srazheniya [Athens and Macedonia of Philip II: from the Peace of Philocrates to the Battle of Chaeronea]. In: E.A. Molev (ed.), *Iz istorii antichnogo obshhestva 6 [From the history of ancient society 6]*. Nizhny Novgorod, 3–17.
- Борухович, В.Г. 1999: Афины и Македония Филиппа II: от Филократова мира до Херонейского сражения. В сб.: Е.А. Молев (ред.), *Из истории античного общества*. 6. Нижний Новгород, 3–17.

⁴⁵ Суриков 2015, 314.

- Borza, E.N. 2013: *Istoriya antichnoy Makedonii (do Aleksandra Velikogo)* [*The history of ancient Macedonia (before Alexander the Great)*]. Saint Petersburg.
- Борза, Ю.Н. 2013: *История античной Македонии (до Александра Великого)*. СПб.
- Briant, P. 2002: *From Cyrus to Alexander: a history of the Persian Empire*. Winona Lake.
- Campbell, D.B. 2008: *Iskusstvo osady. Znamenitnye shturmy i osady Antichnosti* [*Besieged: Siege Warfare in the Ancient World*]. Moscow.
- Кэмпбелл, Д.Б. 2008: *Искусство осады. Знаменитые штурмы и осады Античности*. М.
- Sawckwell, G.L. 1969: The Crowning of Demosthenes. *CQ* 19.1, 163–180.
- Connor, W.R. 1966: *Greek Orations: Lysias, Isocrates, Demosthenes, Aeschines, Hyperides and Letter of Philip*. Ann Arbor.
- Connor, W.R. 1967: History without Heroes: Theopompus' Treatment of Philip II of Macedon. *GRBS* 8.2, 133–154.
- Detienne, M. 1968: La phalange: Problèmes et controverses. In: J.-P. Vernant (ed.), *Problèmes de la guerre en Grèce ancienne*. Paris, 157–188.
- Dushenko, K.V. 2018: *Krasnoe i beloe: Iz istorii politicheskogo yazyka* [*Red and White: From the History of Political Language*]. Moscow.
- Душенко, К.В. 2018: *Красное и белое: Из истории политического языка*. М.
- Ellis, J.R. 1976: *Philip II and Macedonian Imperialism*. Princeton.
- Ellis, J.R. 1981: The Unification of Macedonia. In: M.B. Hatzopoulos, L.D. Loukopoulos (eds.), *Philip of Macedon*. London, 36–47.
- English, S. 2012: *Mercenaries in the Classical World to the Death of Alexander*. Barnsley.
- Ferrill, A. 1997: *The Origins of War: from the Stone Age to Alexander the Great*. Boulder.
- Gabriel, R.A. 2010: *Philip II of Macedonia: Greater than Alexander*. Washington.
- Garlan, Y. 1972: *La guerre dans l'antiquité*. Paris.
- Goldman, M.L. 2018: Demosthenes, Chaeronea, and the Rhetoric of Defeat. In: J.H. Clark, B. Turner (eds.), *Brill's Companion to Military Defeat in Ancient Mediterranean Society*. Leiden–Boston, 123–143.
- Greenwalt, W. S. 2014: Infantry and the Evolution of Argead Macedonia. In: T. Howe, E.E. Garvin, G. Wrightson (eds.), *Greece, Macedon and Persia: Studies in Social, Political and Military History in Honour of Waldemar Heckel*. Oxford–Philadelphia, 41–46.
- Griffith, G.T. 1979: The Reign of Philip the Second. In: N.G.L Hammond., G.T. Griffith (eds.), *A History of Macedonia*. Vol. II. 550–336 B.C. Oxford, 201–646.
- Gröschel, S. 1989: *Waffenbesitz und Waffeneinsatz bei den Griechen*. Frankfurt am Main.
- Hammond, N.G.L. 1980: Training in the Use of a Sarissa and its Effect in Battle, 359–333 B.C. *Antichthon* 14, 53–63.
- Hunt, P. 2010: *War, Peace, and Alliance in Demosthenes' Athens*. Cambridge.
- Jaeger, W. 1963: *Demosthenes: Der Staatsmann und sein Werden*. Berlin.
- Karunanithy, D. 2013: *The Macedonian War Machine: Neglected Aspects of the Armies of Philip, Alexander and the Successors 359–281 BC*. Barnsley.
- Kienast, D. 1973: *Philipp II. von Makedonien und das Reich der Achamieniden*. München.
- Kleymenov, A.A. 2020. "Sobak vojny s tsepi spuskaya": naemnyy kontingent v makedonskoy armii vremen Filippa II ["And Let Slip the Dogs of War": Mercenary Forces in the Macedonian Army in the Age of Philip II. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 4, 185–204.
- Клейменов, А.А. 2020: «Собак войны с цепи спускающая»: наемный контингент в македонской армии времен Филиппа II. *ПИФК* 4, 185–204.
- Krentz, P. 2002: Fighting by the rules: the invention of the hoplite agon. *Hesperia* 71, 23–29.
- Le Bohec-Bouhet, S. 1999: L'apport macédonien de la guerre au IVe siècle avant J.-C. In: P. Brun (ed.), *Guerres et sociétés dans les mondes grecs (490/322)*. Paris, 73–96.
- Lendon, J. E. 2005: *Soldiers and ghosts: a history of battle in classical antiquity*. New Haven–London.

- Macdowell, D.M. 2009: *Demosthenes the Orator*. Oxford.
- Marinovich, L.P. 2006: Vozniknovenie i evolyutsiya doktriny prevoskhodstva grekov nad varvarami [The emergence and evolution of the doctrine of the superiority of the Greeks over the barbarians]. In: L.P. Marinovich (ed.), *Antichnaya tsivilizatsiya i varvary* [Ancient civilization and barbarians]. Moscow, 5–29.
- Маринович, Л.П. 2006: Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами. В сб.: Л.П. Маринович (ред.), *Античная цивилизация и варвары*. М., 5–29.
- Martin, G. 2009: *Divine Talk: Religious Argumentation in Demosthenes*. Oxford.
- Marsden, E.W. 1969: *Greek and Roman Artillery: Historical Development*. Oxford.
- Matthew, C.A. 2015: *An Invincible Beast: Understanding the Hellenistic Pike-phalanx at War*. Barnsley.
- Matheson, S.B. 1994: The Goddess Tyche. In: S.B. Matheson, J.J. Pollitt (eds.), *An Obsession with Fortune: Tyche in Greek and Roman Art*. Princeton, 18–33.
- Melville, S.J., Melville, D.J. 2008: Observations on The Diffusion of Military Technology: Siege Warfare in the Near East and Greece. In: M. Ross (ed.), *From the Banks of the Euphrates: Studies in Honor of Alice Louise Slotsky*. Winona Lake, 145–167.
- Millett, P. 2013: Winning Ways in Warfare. In: B. Campbell, L.A. Tritle (eds.), *The Oxford Handbook of Warfare in the Classical World*. Oxford, 46–74.
- Milns, R.D. 1967: Philip II and the Hypaspists. *Historia* 16.4, 509–512.
- Milns, R.D. 2000: The public speeches of Demosthenes. In: I. Worthington (ed.), *Demosthenes: statesman and orator*. London–New York, 205–223.
- Molina Marin, A.I. 2015: Caranus and the Introduction of the Phalanx Formation in Macedonia. *Pegasus* 58, 21–25.
- Nefedkin, A.K. 2019: *Konnitsa epokhi ellinizma* [Hellenistic cavalry]. Saint Petersburg.
- Нефёдкин, А.К. 2019: *Конница эпохи эллинизма*. СПб.
- Novosilnov, A.S., Sivkina, N.Yu. 2019: Topografiya i problemy rekonstruktsii Kheroneyskogo srazheniya 338 g. do n.e. [Topography and problems of reconstruction of the Battle of Chaeronea 338 BC.]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* 6 [Bulletin of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod 6], 52–56.
- Новосильнов, А.С., Сивкина, Н.Ю. 2019: Топография и проблемы реконструкции Херонейского сражения 338 г. до н.э. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 6, 52–56.
- Nussbaum, M.C. 2001: *The Fragility of Goodness: Luck and Ethics in Greek Tragedy and Philosophy*. Cambridge.
- Ober, J. 1996: The Rules of War in Classical Greece. In: J. Ober (ed.), *The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory*. Princeton, 53–71.
- Pickard-Cambridge, A.W. 1914: *Demosthenes and the Last Days of Greek Freedom, 384–322 B.C.* New York.
- Pownall, F. 2004: *Lessons from the past: the moral use of history in fourth-century prose*. Ann Arbor.
- Roisman, J. 2005: *The Rhetoric of Manhood: Masculinity in the Attic Orators*. Berkeley.
- Roisman, J. 2007: Rhetoric, Manliness and Contest. In: I. Worthington (ed.), *A Companion to Greek Rhetoric*. Oxford, 393–410.
- Rudenko, M.N. 2008: *Makedonskaya armiya i massovaya oppozitsiya Aleksandru Velikomu v 334–323 gg. do n.e.* Avtoref. diss... kand. ist. nauk [The Macedonian Army and mass opposition to Alexander the Great in 334–323 BC. PhD Thesis]. Saratov.
- Руденко, М.Н. 2008: *Македонская армия и массовая оппозиция Александру Великому в 334–323 гг. до н.э.* автореф. дисс... канд. ист. наук. Саратов.
- Runciman, W.G. 1998: Greek Hoplites, Warrior Culture, and Indirect Bias. *Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland* 4, 731–751.

- Ryder, T.T.B. 2000: Demosthenes and Philip II. In: I. Worthington (ed.), *Demosthenes: statesman and orator*. London–New York, 45–89.
- Scanlon, T.F. 2015: *Greek Historiography*. Malden–Oxford.
- Sealey, R. 1993: *Demosthenes and His Time: A Study in Defeat*. New York–Oxford.
- Stafford, E. 2007: Personification in Greek Religious thought and practice. In: D. Ogden (ed.), *A Companion to Greek Religion*. Oxford, 71–85.
- Surikov, I.E. 2015: *Antichnaya Gretsya: politiki v kontekste ehpokhi. Na poroge novogo mira* [*Ancient Greece: Politics in the Context of the Age. On the doorstep of a new world*]. Moscow.
- Суриков, И.Е. 2015: *Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира*. М.
- Sykutris, J. 1928: Der Demosthenische Epitaphios. *Hermes* 63.2, 241–258.
- Tarn, W.W. 1930: *Hellenistic Military and Naval Developments*. Cambridge.
- Trundle, M. 2004: *Greek Mercenaries: from the late archaic period to Alexander*. London–New York.
- Usher, S. 1999: *Greek Oratory: Tradition and Originality*. Oxford.
- Westwood, G. 2020: *The Rhetoric of the Past in Demosthenes and Aeschines: Oratory, History, and Politics in Classical Athens*. Oxford.
- Wheeler, E.L. 2007: Archaic and Classical Greece: Land battle. In: P. Sabin, H. Van Wees & M. Whitby (eds.), *The Cambridge history of Greek and Roman Warfare*. Vol. I. Cambridge, 186–223.
- Wooten, S. 2008: *A Commentary on Demosthenes' Philippic I: With Rhetorical Analyses of Philippics II and III*. Oxford–New York.
- Worthington, I. 2003: The Authorship of the Demosthenic Epitaphios. *Museum Helveticum* 60, 152–157.
- Worthington, I. 2012: *Demosthenes of Athens and the Fall of Classical Greece*. Oxford.
- Worthington, I. 2014: *Filipp Makedonskij* [*Philip of Macedonia*]. Saint Petersburg–Moscow.
- Уорthingтон, Й. 2014: *Филипп Македонский*. СПб–М.
- Yunis, H. 1996: *Taming Democracy: Models of Political Rhetoric in Classical Athens*. Ithaca–London.
- Yunis, H. 2001: *Demosthenes. On the Crown*. Cambridge.

DESIRED AND VALID: MACEDONIAN ARMY
AND THE GENERALSHIP QUALITIES OF PHILIP II
IN THE SPEECHES OF DEMOSTHENES

Alexander A. Kleymenov

Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University, Tula, Russian Federation

E-mail: alek-klejmenov@yandex.ru

Abstract. The image of Phillip's II military system in Demosthenes' speeches is under consideration in this article. It's identified that the Athenian orator showed mercenaries as an important part of Macedonian army and emphasized difference between king and soldiers' interests and showed that the practice of using hoplites was absent. Demosthenes was reasonable to note that Macedonian army was constantly prepared conduct military operations, active use of light infantry and cavalry, developed siegecraft. Demosthenes called the main properties of Philip as a military and political figure cunning, purposefulness and dedication, highlights

the positive consequences of having all the levers of control of the army and the state in the hands of the monarch. In this way the image was formed which connected the frank speculation and real facts, largely distorted due to Demosthenes' desire to expose Philip as a dangerous, but at the same time vulnerable opponent. The Athenian politician did not consider the main consequences of creation Macedonian professional troops and showed the armed forces of Philip as a typical Greek polis citizens' militia which was not interested in frequent military campaigns, and the king himself – isolated from society and surrounded by mercenary's tyrant. Demosthenes ignored the presence of the Macedonian phalanx to show it less dangerous in field battles. The orator explained Philip's successes by the passivity and disunity of the Athenian civil collective, as well as the activities of traitors, which was designed not only to persuade the Athenians to take decisive action, but also to turn public opinion against Demosthenes' political opponents. Besides that, the orator used to his advantage idealistic ideas about agonal war characteristic of the Greek public consciousness according to which the only decent way of conducting military operations was considered an open battle of hoplite phalanxes. This made it possible to characterize Philip's victories as dishonest and to form the Athenians' belief in the possibility of defeating the Macedonians in a war taking place according to traditional principles for Greece. The negative consequence of the construct formed by Demosthenes was a dangerous underestimation of the real capabilities of the enemy.

Keywords: Demosthenes, Philip II, Macedonia, Athens, warfare, mercenaries, hoplites.
